Николай ЗАХАРОВ

– доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента РАГС

Ошибки и неудачи проводимой политики во многом обусловлены и продиктованы мотивационными установками – целями, интересами, ценностями, завышенными ожиданиями и амбициями, часто помноженными на недостаток знаний – определенных групп в системах управления и соответствующими мотивированными действиями конкретных субъектов и объектов рыночной экономики.

О кризисе в России с позиций мотивационного управления

Сегодня уже вряд ли нужны особые доказательства того, что развернувшийся в России кризис является системным, прямо или косвенно влияющим на все элементы российской метасистемы: экономику, политику, социальную сферу, уровень и качество жизни в целом. Это означает, во-первых, что в науке и практике антикризисного управления необходимо избавляться от многих иллюзий, от завышенных ожиданий, от смешения мифов и реальности, во-вторых – переходить от локальных, хотя и важных, антикризисных мер к системным, сбалансированным действиям.

Вместе с тем очевидно, что начальным импульсом нынешнего российского кризиса стал кризис финансово-экономический. Это побуждает выделять последний в качестве доминирующей причины системных кризисов и на его рассмотрении акцентировать внимание в данной статье.

Представляется значимым мотивационный подход к антикризисному управлению. Предваряя его анализ, следует высказать ряд методологических соображений.

1. Кризисы, как имманентный атрибут общественного развития, имеют объективную и субъективную стороны. Они регулируются и управляются на основе возможно более глубокого и точного *осмысления* их внешних и внутренних *источников*, побудительных *причин*, а также *ожидаемых результатов* и *мотивированной выработки* на этой основе механизмов *сознательной* профилактики и преодоления негативных последствий (антикризисное управление). Иначе говоря, социальные (в том числе, и прежде всего, экономические) кризисы имеют объектно-субъектную природу. Это означает, что они возникают в силу *объективного развития* общественных отношений, а *механизмы изменения кризисного поведения формируются в психике и сознании человека*. Последнее есть область науки и практики мотивационного управления.

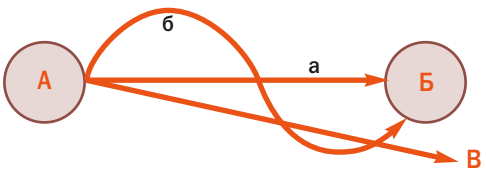
2. Мотивационное управление в системе общественного производства представляет собой специализированную область науки и практики, предметом которой является изучение мотивационных ресурсов уп-

равления, то есть источников, движущих сил, форм и методов выбора субъектами и объектами общественного производства типа предстоящего поведения, а также способов его изменения. (В данной статье рассматриваются некоторые аспекты мотивационного управления применительно к анализу поведения политико-экономических и хозяйствующих субъектов и объектов управления в условиях трансформируемой экономики, отягощенной системным кризисом.)

3. Системные кризисы и их последствия оказывают существенное влияние на поведение, и прежде всего на динамику развития сложных социально-экономических систем и на управление этим процессом. Смысл управления развитием (если речь идет о прогрессе, а не о регрессе) состоит в *сознательно мотивированном* переводе системы из одного качественного состояния в другое, более высокое. *Последствия кризисов с точки зрения их влияния на динамику социально-экономического развития могут быть как отрицательными, так и положительными.*

4. Эффективное управление развитием предполагает мотивированный выбор такой кратчайшей траектории движения к намеченным стратегическим целям, которая позволяет получать конечные результаты с наименьшими ресурсными издержками. Так, перевод системы из состояния А в состояние Б (рис. 1). Например, перевод российской метасистемы из состояния образца 2009 года в состояние образца 2020 года может осуществляться по самой короткой траектории с минимальными ресурсными издержками, может – по волнообразной (синусоидальной) траектории с разной степенью отклонения от оптимальной (прямая линия) траектории и дополнительной затратой ресурсов, а может вообще уйти в сторону от траектории движения к намеченной цели. Все зависит от уровня и качества управления.

Рисунок 1.

5. Движущей силой мотивации поведения являются интересы как осознанные потребности развития. Именно интересы определяют характер и форму мотивации взаимодействующих субъектов и объектов и оказывают мощное влияние на их практическое поведение. В предкризисных и кризисных ситуациях конфликты интересов субъектов и объектов рыночной экономики могут приобретать форму острой противоречивой борьбы часто с тяжелыми иррациональными потерями.

Если исходить из понимания классической и еще никем не опровергнутой истины, то фундаментальной объективной причиной экономических кризисов (а это, как правило, базовое начало кризисов системных) считается разбалансирование общественного производства и потребления, когда производимое количество товаров и услуг не находит сбыта в силу ограниченного платежеспособного спроса. По сути это кризисы перепроизводства, следствием которых является сокращение объемов производства, рост безработицы, снижение доходов юридических и физических лиц, а значит сбережений (накоплений) и инвестиционной активности.

Из этого следует, что для минимизации кризисных явлений в экономике и их негативных последствий важно *осознать* породившие их глубинные причины и на этой основе выбрать соответствующий тип действий. Это означает, что должны вступать в полную силу субъективные факторы мотивационного управления, оказывающие мощное, а часто и решающее, влияние на характер формирования, протекания, преодоления кризисов и на их результаты. Как это выражается в нашей практике?

За прошедшие 8 лет в стране удалось создать определенный запас накоплений на основе, прежде всего, общеэкономического роста, ежегодная динамика которого составляла 6-7%. Это позволило приступить к решению стратегических задач по улучшению жизни населения, в частности повышению уровня доходов значительной его части. Что, в свою очередь, не могло не отразиться на объемах и структуре потребления – росте товарооборота и расширении ассортимента товарных рынков, в том числе приобретаемых товаров длительного пользования (автомашины, квартиры, электронная техника и т.д.). Однако качество и структура такого роста не вызывают особых оптимистических ожиданий. Ибо он в преобладающей мере обеспечивался сырьевой составляющей российского экспорта, быстро растущими объемами потребительских кредитов, инвестиционными вложениями спекулятивного характера.

Другими словами, начиная с 2000-го года российская экономика накопила определенный резерв средств (прежде всего финансовых), необходимых для обеспечения ее стабильного функционирования и дальнейшего развития. Однако «грянувший» со второго полугодия 2008 года финансово-экономический кризис не только существенно обескровил наши накопленные, финансовые «подушки безопасности» – стабилизационный фонд (разделенный год назад на резервный фонд и фонд национального благосостояния) и золотовалютные резервы (ЗВР). Он вновь подтвердил искаженное понимание, прежде всего высшими органами управления, миссии этих «подушек» и способов их использования в интересах общесистемного развития. В этих условиях мы вновь наступаем на те же грабли, пожиная негативные последствия кризиса – не только текущие, но и грозящие нам в перспективе. В чем же, несмотря на оптимистические заверения представителей высших управляющих систем, выражается повторение прежних ошибок?

Еще задолго до наступившего кризиса неоднократно и доказательно говорилось и писалось о нерациональности (были и более сильные выражения, например, тупиковости) моносырьевого пути развития экономики России и иррационального использования накопленной на этой основе денежной массы [1, 2, 3]. Казалось бы, опыт дефолта 1998 года должен был научить нас действовать в управлении социально-экономическим развитием с опорой не только на сугубо финансовые и фискальные инструменты, но скорее на их использование в целях оживления реального сектора общественного производства и массового платежеспособного спроса. Это отвечает и духу экономической теории, и реальной мировой практике.

С тех пор прошло 10 лет. За это время совершились определенные макроэкономические сдвиги. Радикальные перемены произошли в ситуации с денежной базой: в силу трансформации мировой ценовой конъюнктуры реки поступающих в страну нефтегазодолларов стали подобны бурным потокам. Объем ВВП за эти годы почти удвоился. Более 5 лет государственный бюджет был профицитен. (И только в конце января текущего года Министерство финансов РФ устами министра А. Кудрина впервые за последние годы объявило, что в 2009 году дефицит бюджета составит 6,1% при сокращении доходов с 10,9 до 6,5 трлн рублей, а по прогнозу советника Президента РФ А. Дворковича, он составит около 10%.)

Вместе с тем объективные экономические основания системного кризиса, как фундаментального противоречия между внутренним производством и спросом (потреблением), не только сохранились, но и усугубились. Причины этого преимущественно субъективные и, конкретно, мотивационные: либо неумение, либо нежелание, либо их совокупность в мышлении и соответствующем поведении органов и лиц управления социально-экономическим развитием, прежде всего на высшем уровне.

Публичные заявления Правительства РФ о проводимой антикризисной политике подчинены традиционной логике: все кризисные явления спрогнозированы заранее, принятые заблаговременно меры по борьбе с ними адекватны [4].

Реально в таких заявлениях больше пиара, манипуляции на общественном сознании с целью создания массовых оптимистических ожиданий на фоне непростой кризисной ситуации. Однако остаются главными и не получившими пока ответа вопросы:

1. Если, как заявляется, ЦБ РФ будет сохранять курс рубля в предсказуемом (расчетном, сбалансированном) валютном коридоре не выше 36 руб./долл. посредством валютных интервенций, повышенной процентной ставки по кредитам и ограничения предоставления ликвидности банкам, то как долго это может длиться (на сколько хватит ЗВР и что будем делать после использования ЗВР, если большая их часть будет затрачена на поддержание финансово-кредитной системы)?

2. Что будет с промышленным сектором экономики при сохраняющейся невозможности получения необходимых кредитов в силу высокой процентной ставки?

3. Что будет сделано для снижения уровня безработицы и увеличения числа рабочих мест кроме централизованного выделения средств для обеспечения минимального пособия по безработице?

4. Будет ли правительство влиять, и если будет, то как, на неудержимый и экономически неоправданный рост цен (в условиях кризиса в США, Европе и Азии инфляция имеет микроскопическое значение и цены имеют тенденцию к снижению, а у нас все наоборот)?

5. Будут ли более эффективно использоваться созданные за счет природной ренты накопления в целях общесистемного развития, то есть для инвестирования в строительство высококачественных дорог, газификацию малых городов, поселков, деревень, строительство новых производств взамен безнадежно устаревших, модернизацию жилищно-коммунальной инфраструктуры и в целом в создание инновационной экономики и высокого качества жизни?

Почему же эти вопросы не находят должного разрешения? Ответ внешне прост: ошибки и неудачи проводимой политики во многом обусловлены и продиктованы мотивационными установками – целями, интересами, ценностями, завышенными ожиданиями и амбициями, часто помноженными на недостаток знаний – определенных групп в системах управления и соответствующими мотивированными действиями конкретных субъектов и объектов рыночной экономики.

В этой связи важно знать, какими именно мотивационными установками руководствуются основные субъекты и объекты рыночного взаимодействия при выборе того или иного типа поведения в условиях кризиса. Ибо на основе такого знания можно вырабатывать механизмы влияния на их действия в интересах общесистемного развития.

Значимость мотивационных подходов в управлении поведением социально-экономических систем и взаимодействующих в них субъектов и объектов в условиях кризиса можно проследить на примере поведения некоторых основных участников инвестиционных процессов, а именно: представителей крупного капитала (тех, кого у нас принято называть олигархами); *банков и банкиров; населения*. Хотя надо заметить, что не только у отмеченных, но и у всякого рыночного инвестора мотивация по своей сути достаточно очевидна и универсальна. В ее основе лежит интерес к таким инвестиционным вложениям, которые будут приносить максимальные выгоды (прежде всего, в виде увеличения доходов и прибылей) на любой стадии развития, в том числе кризисной.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КРУПНОГО КАПИТАЛА (если иметь в виду его экспортоориентированный и, прежде всего, сырьевой вариант) в условиях кризиса в качестве главного мотива своего поведения имеют интерес к снижению

потерь от падения мировых цен на нефть. Ведь гигантские прибыли их корпораций оцениваются не в рублях, а высокие налоговые и иные обременения внутри страны надо компенсировать рублями. Значит, надо эти рубли добывать любыми способами. Из легальных (законных) способов чаще всего используются: либо жесткое лоббирование удорожания курса доллара за счет снижения курса рубля, либо прямое или косвенное участие в спекулятивных сделках на фондовом рынке, либо использование и того, и другого. Выгоды крупных капиталистов понятны, но они так или иначе способствуют дестабилизации нашей финансовой системы, ибо создают потенциальную и реальную угрозу переполнения экономики деньгами и росту инфляции при финансовых ущемлениях отечественных производителей.

НАСЕЛЕНИЕ. Если говорить о мотивации населения как инвестора, то фактические условия, стимулирующие его мотивацию к трансформации своих сбережений в инвестиции, остаются сложными. На фоне докризисной тенденции роста объемов депозитных вложений тем не менее еще значительная часть денег остается на руках у населения, а в условиях кризисного удорожания валюты многие стали активно снимать свои рублевые вклады с депозитов, либо трансформировать их в доллары и евро. Только в декабре 2008 года рост покупки населением долларов составил 20%, евро – 30%. Такая тенденция продолжилась и с начала текущего года. И хотя антикризисными усилиями правительства пока удавалось предотвратить ее превращение в паническую, данная тенденция является подтверждением, своего рода неформальным референдумом, отражающим уровень и динамику мотивации (в частности экономического мышления) и соответствующего поведения людей.

Стержнем такой мотивации у населения (и не только у населения) явилась высокая степень *н*едоверия к проводимой управляющими системами политике: финансово-кредитной, налоговой, бюджетной. Это недоверие и соответствующие действия стремительно нарастали в связи с обманутыми ожиданиями: полным разворотом от публичных заявлений правительства об укреплении рубля к крутой девальвации последнего.

Действительно, все прошедшие годы, начиная с 2000-го, власти публично и настойчиво говорили о нарастающей стабильности национальной валюты и призывали хранить сбережения в рублях. Значительная часть населения (да и хозяйствующих субъектов) была загипнотизирована этими, в общем-то, небезосновательными заявлениями. Об этом свидетельствует рост депозитных банковских вложений вплоть до середины прошедшего года, когда резко обозначились признаки мирового и нашего внутреннего финансового кризиса. К этому времени от обещаний стабильности рубля на базе созданных и крупнейших в мире золотовалютных (в основном валютных) резервов не осталось и следа. В отличие от 10-летней давности практики объявления дефолта началась относительно мягкая девальвация рубля: впервые его курс дошел до небывалого и поэтому психологически трудно воспринимаемого – ниже 35 руб./долл.

В этой связи следует заметить, что вмешательство в баланс мотивационной взаимосвязи «ожидания – доверие» может вызывать разные типы поведения: от спокойного, умеренного, конструктивного до импульсивного, тревожного, панического. Последнее характерно для предкризисных и кризисных ситуаций, когда на основе неопределенной информации, домыслов, слухов, поспешных и/или неверных действий высших органов управления рождаются часто завышенные или искаженные ожидания: инфляционные, инвестиционные, налоговые, валютнокурсовые и т.п. В случаях когда эти ожидания оказываются обманутыми и не подтверждаются, возникают тенденции к деструктивным, вплоть до панических, действиям, кризисным обвалам, росту взаимного недоверия.

БАНКИ, БАНКИРЫ И БАНКОВСКИЕ СИСТЕМЫ. При оценке мотивации поведения этой категории рыночных субъектов и объектов в условиях кризиса следует исходить из следующего. Чтобы сделать нашу финансовую систему более устойчивой, относительно более независимой и защищенной от внешних и внутренних угроз, нужно отчетливо понимать, что наиболее верный путь для этого: укрепление национальной денежной единицы – рубля. Чем глубже будет такое понимание, тем выше будет мотивация к уходу от продолжающейся и вновь усиливающейся опоры на доллар и к переключению денежных потоков со спекулятивных сделок на обеспечение реального производства.

Вместе с тем надо понимать и в разумных пределах учитывать мотивы поведения банкиров, а значит банков и банковской системы в целом. Их главная (хотя и не всегда явная) мотивационная установка и лежащий в ее основе интерес в условиях нынешнего кризиса состоят в стремлении оперативно использовать выделенные государством финансовые средства (по крайней мере их часть) для спекулятивных операций и зарабатывания маржи на падении курса рубля, а отнюдь не на кредитовании реального сектора экономики. Ибо понятно, что получив кредитные ресурсы, банки(ры) не стремятся направлять их в реальный сектор, потому что он в условиях кризиса становится еще более рискованным и потому менее привлекательным, выгодным.

И эту их выгоду, как соответствующую мотивацию действий в сложившейся ситуации, с точки зрения классического функционирования капитала, можно понять. А поняв, государству (а точнее – отвечающим за это чиновникам) необходимо изменить ситуацию и создать такие условия, которые бы полноценно стимулировали кредитование банками реального сектора экономики. Это предполагает меры по привязке (обеспечению прямой зависимости) рефинансирования займов к спросу на деньги со стороны предприятий посредством снижения процентных ставок. Тогда у банкиров изменится вектор интересов: бороться не за монопольное положение путем установления завышен-

ных процентных ставок, удушающих процессы развития реального сектора экономики, а за конкретного производителя – платежеспособное предприятие.

При этом важно избегать опоры на преимущественно административные методы антикризисного управления оздоровлением банковской (и не только) системы. У нас такой опыт уже был в конце 90-х годов. И хотя условия того кризиса были иные, тем не менее еще тогда власти пытались бороться с кризисом неплатежей ничем не обеспеченными деньгами за счет директивно установленной эмиссии государственных ценных бумаг. Банкиры это оперативно использовали для получения сверхприбылей за счет существенного падения курса рубля. И в этом им не могли помешать никакие указания кредитной комиссии правительства о целевом использовании выделенных кредитных средств.

В нынешней ситуации жесткий экономико-административный «кулак» государства облачен в лайковые экономические перчатки. То есть, вместо директивной эмиссии ценных бумаг государство, имея принципиально иные денежные возможности, стало влиять на антикризисное поведение банков с помощью государственных субсидий.

Осенью 2008 года Президент РФ и Правительство РФ принимают решение: для поддержания экономики страны, ведущих предприятий, банковской системы выделить свыше 5 трлн рублей. Министерство финансов прежде всего адресует эти средства системообразующим банкам – Сбербанку, ВЭБу, ВТБ. Те же, получив деньги, должны направлять их на погашение имеющихся задолженностей предприятий и собственных зарубежных кредитов. При этом нельзя исключать того, что, частично выполнив обязательства, банки оставшуюся и весьма значительную сумму переводят в доллары и отправляют за рубеж.

Уже в феврале текущего года правительством был рассмотрен вопрос о докапитализации Сбербанка, ВТБ и ВЭБа (на что дополнительно выделялось 800 млрд руб. – 500, 200 и 100 млрд руб. каждому соответственно), а также о вхождении государства в капитал частных банков, то есть по сути их частичного выкупа (на это Минфин готов был выделить дополнительно 400 млрд руб., что может привести к росту доли государства в банковской системе до 75-80%) [5]. Однако остается пока неясным, во-первых, насколько эффективно и целенаправленно расходуются эти средства, как они влияют на изменение мотивации поведения банковской системы в направлении поддержки реального сектора экономики, а не спекулятивных сделок, во-вторых, как это соотносится с заявлениями руководителей правительства и страны (в частности В. Путина на последнем форуме в Давосе) о минимизации роли государства в экономике.

На основе вышеизложенного можно высказать следующие соображения относительно причин и ожидаемых последствий нынешнего кризиса в России с позиций мотивационного управления.

ПРИЧИНЫ «разразившегося» в 2008 году в России кризиса в значительной мере обусловлены издержками мотивационного управления и в основном сводятся к следующим:

- ортодоксальность (не путать со здоровым консерватизмом!) мышления чиновников высших органов управления, основанная на доминирующей приверженности либерально-монетаристской теории, во многом дискредитировавшей себя в мировой науке и практике;
- неспособность продумывания и практического осуществления действительно инновационных решений, адекватных российским социально-экономическим реалиям и основанных не только на экспортной топливно-энергетической составляющей и виртуальных макрофинансовых операциях;
- корпоративная замкнутость, круговая порука, эгоизм и алчность менеджмента государственных и негосударственных структур всех уровней, «оплодотворяющие» развитие проблем несправедливого и экономически нецелесообразного распределения ресурсов, «перегретого» лоббизма, тотальной коррупции и недоверия как в верхних эшелонах власти, так и в среде хозяйствующих субъектов и объектов;
- отсутствие гибких механизмов согласования личных, групповых, корпоративных и общенациональных интересов (особенно в предкризисных и кризисных ситуациях) в целях удовлетворения меняющихся потребностей общественного развития.

ПОСЛЕДСТВИЯ нынешнего кризиса в деталях трудно предсказуемы, но в основных чертах можно достаточно уверенно ожидать:

- удлинения кризисного цикла и отдаления выхода из него с определенной вероятностью обострения системообразующих составляющих общественного развития: экономической, социальной, политической, духовной;
- усиления борьбы частных, корпоративных и общенациональных интересов за монополизацию власти и доминирование в распределительных отношениях в условиях иссякающей природной ренты и обостряющегося передела собственности в ущерб общесистемному развитию;
- усиливающегося в общественном сознании (бытовом и профессиональном) повсеместного недоверия к управляющим системам всех уровней и сфер общественного производства с нарастанием негативных ожиданий и кумулятивного эффекта (асоциального, стихийного) кризисного развития;
- существенного снижения темпов экономического роста (о чем уже было объявлено публично в начале февраля на инвестиционном форуме в Москве), сокращения уровня доходов и платежеспособного спроса при сохраняющемся высоком уровне инфляции;
- ускоренного износа (физического и морального) не только основных производственных фондов, инфра-

структуры, жилищно-коммунального хозяйства, но и природных и, главное, человеческих ресурсов.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, с позиций мотивационного управления, напрашивается внешне парадоксальный вывод. Чем сильнее (глубже, продолжительнее) современные российские кризисы, тем выше вероятность того, что мы быстрее, **во-первых**, избавимся от имперского политико-экономического мышления, построенного на стереотипе «избытка» природно-территориальных ресурсов, и перейдем к осознанию острой, жизненно важной потребности в реальном инновационном развитии, основанном на экономике знаний, **во-вторых**, научимся основательнее понимать их глубинные причины и следствия и предпринимать необходимые мотивированные действия по их профилактике и минимизации негативных последствий, как на индивидуально-личностном уровне и уровне домашних хозяйств, так и на уровне макроуправления.

Литература

1. *Львов Д.С.* Драма России / Путь в XXI век (стратегические проблемы и перспективы российской экономики). М.: «Экономика», 1999.
2. *Губанов С.* Политика нового этапа: цель и средства. 2006. № 11.
3. *Захаров Н.И.* Мотивационные ресурсы управления // Государственная служба. № 3(47). 2007.
4. Коммерсант. 2009. 31 января. № 17.
5. Коммерсант. 2009. 4 февраля. № 19.

Статья представлена автором в редакцию журнала «Государственная служба» в феврале с.г.

Ольга КАМЕНЧУК

НАСТРОЕНИЯ РОССИЯН: ГРЯДЕТ ЛИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ?

Основой изучения современной социальной ситуации в нашей стране послужили опросы, регулярно (еженедельно) проводящиеся Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Эти исследования проходят по репрезентативной общенациональной выборке: 1600 человек в 140 населенных пунктах, в 42 регионах, представляющих все семь федеральных округов России (с учетом квот по возрасту, полу, образованию и территориальному районированию Госкомстата). С осени 2008 года ВЦИОМ ведет и регулярный кризисный мониторинг. В данной статье представлены результаты серии исследований кризисного мониторинга ВЦИОМ.

В течение последних лет наблюдался постоянный рост всех основных характеристик социального настроения россиян. Очевидное падение всех данных индексов в последний раз имело место в начале 2005 года, на который пришлась реализация монетизации льгот, хотя интегральный индекс социальных настроений* очень быстро вернулся к прежним показателям (в течение одного месяца) и продолжил рост. Некоторое «проседание» данных показателей социологи также наблюдали и в марте 2008 года, что было вызвано так называемым «поствыборным эффектом», но все быстро выровнялось в течение весны и лета 2008 года. В последние же полгода можно отметить устойчивое падение большинства основных характеристик социального самочувствия россиян: уровень удовлетворенности жизнью, социальный оптимизм, оценку экономической ситуации в стране и собственного материального положения, а также прогноз дальнейшего развития событий – направления, в котором движется наша страна. Лишь с февраля-марта 2009 г. наметилось медленное повышение ряда показателей индексов социальных настроений. Примечательно, что первым начала подниматься кривая оценки материального положения своей семьи, а следом за ней (в марте-апреле 2009 г.) – индекс социального оптимизма и оценки экономического и политического положения дел в стране. Насколько устойчивым окажется этот рост – покажет время, однако очевидно, что панические настроения, свойственные обществу в конце зимы 2008 года, ушли и уровень ситуативной тревожности понижается.

На социальных настроениях не могут не сказываться проявления

Ольга КАМЕНЧУК – доктор психологии (PhD), директор по коммуникациям ВЦИОМ, докторант факультета политологии Инсбрукского университета

* Индекс социальных настроений включает в себя индекс социального оптимизма: «Как Вы считаете, через год Вы/Ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сейчас?»; индекс самооценок материального положения: «Как бы Вы оценили в настоящее время материальное положение Вашей семьи?» и индекс удовлетворенности жизнью: «В какой мере Вас устраивает сейчас жизнь, которую Вы ведете?».